

Першуткин Сергей Николаевич
Автономная некоммерческая организация
«Московский институт социологических исследований»,
Москва, Российская Федерация
Academ2011@mail.ru

**Конституционная социология в условиях инфодемии:
возможности и новые задачи**

Аннотация. Анализируется содержание и специфика конституционной социологии как сравнительно нового научного направления. Раскрываются возможности активизации данной отрасли знания вследствие практики проведения конституционного мониторинга. Инфодемия определяется в качестве общественно-политического контекста развития конституционной социологии. Определяются объекты информационно-вирусных атак и конкретные цели. Формулируются конкретные предложения.

Ключевые слова: конституционная социология; юридическая социология; пандемия; инфодемия; конституционный мониторинг; социологические методы конституционных исследований

Pershutkin Sergey Nicolaevich
Autonomous non-profit organization
"Moscow Institute of sociological research",
Moscow, Russian Federation
Academ2011@mail.ru

Sociology of constitution in the context of infogenie: features and new challenges

Abstract. The article analyzes the content and specificity sociology of constitution as a relatively new scientific direction. The article reveals the possibilities of activating this branch of knowledge due to the practice of constitutional monitoring. Infogame is defined as a socio-political context of the development of sociology of constitution. The objects of information and virus attacks and specific goals are determined. Specific proposals are formulated.

Keywords: sociology of constitution; sociology of law; pandemic; infodemia; constitutional monitoring; sociological methods of constitutional research

Оттеснение конституционных изменений в России²¹⁰ на периферию общественного внимания из-за информационно-вирусной атаки – отличительная особенность 2020 г.

²¹⁰ Речь идет о поправках в Конституцию Российской Федерации, включая дополнительное конституционно-правовое закрепление социальной направленности государственной политики, укрепление государственного суверенитета, повышение статуса русского языка, защиту института брака, усиление роли Парламента и др [Список поправок].

Тем не менее, конституционно-правовые механизмы и инструменты, включая конституционную социологию, сохраняются в поле зрения политики и науки, когда нагнеталась паника в медиа-пространстве, внедрялись карантинные меры, многократно повторялись негативные данные медицинской статистики, эффективно визуализировались примеры летального исхода.

Если не прямо, то опосредованно содержание и формы информационно-психологических атак, справедливо названных «инфо-демией» касаются и конституционной социологии на стыке социологической и юридической наук, наполняемых в последние годы актуальным содержанием [Blake, Levinson, 2016; Corsi, Febbrajo, 2016; Persily, Citrin, Egan, 2008; Джунь, 2015].

О междисциплинарной актуальности темы данной статьи свидетельствуют и две группы факторов – социологических и юридических.

Прежде всего, максимальный за три десятилетия уровень тревожности, сопоставимый с 1991 годом²¹¹, формирование механизма воспроизводства панических настроений в марте-мае 2020 года, искусственное создание стресса для 80 % телезрителей и посетителей Интернет-сайтов (большую часть которых составили женщины среднего возраста старше 40 лет, испытывавшие негативные эмоции и чувство тревоги вследствие визуально шокирующих и новостей)²¹².

Помимо того, видятся попытки легитимизации широкого круга процессов:

– «искусственной социальности» [Rezaev, Tregubova, 2018], вроде как правомерной и правдоподобной – несмотря на её надуманность и насильственное внедрение в общественное сознание, что обстоятельно проанализировано и подвергнуто критике [Тавокин, 2019];

– *виртуальности* с помощью так называемых «экспериментальных правовых режимов» [Ефремов, Добролюбова, Талапина, Южаков, 2020];

– *принципа «по умолчанию»*, пришедшего из компьютерных технологий в общественно-политическую и управленческую лексику [Цифровое правительство, 2018; Конкуренция в цифровую эпоху, 2020];

– *постправды* как информационного потока, намеренно конструируемого для создания виртуальной, отличной от действительности, реальности с целью манипулирования общественным мнением [Постправда].

К этому добавляются противоречивые и неоднозначные процессы в правовой сфере:

²¹¹ Согласно исследованиям двух кафедр Санкт-Петербургского государственного университета (политической психологии и периодической печати) // [Дейнека, Мельник, Духанина, Максименко, 2020].

²¹² Каждые 7 из 10 наших соотечественников испытывали чувство тревоги в сложившейся вирусологической и социально-политической ситуации. Вследствие специальных сюжетов по формированию депрессивных настроений (в виде отслеживания смертности в онлайн-режиме, формирования недоверия населения к государству и к государственному здравоохранению – запугиванию дестабилизацией политической обстановки) // [Социология пандемии 2020].

Тем самым видится разрушение суверенного, национального государства, (правового и социального). Именно оно, судя по всему, и было главной мишенью пандемии коронавируса (китайское, российское, американское и др. государства).

Окончательная расчистка пространства действий для транснациональных кампаний, для глобальной инфократии и медиакратии, (подобных средневековой теократии и последующей бюрократии) определяло, видимо, задачи по введению карантинного режима и прекращению деятельности предприятий, учреждений и целых отраслей экономики европейских и других государств.

Накопление потенциала конституционной социологии и её роль

Конституционная социология – это совокупность теоретических подходов и формирующаяся практика анализа и оценки многоплановых конституционных процессов.

Ориентиром здесь выступает «конституционализм» как явление и понятие раскрываемое не просто как сложная общественно-политическая и государственно-правовая категория, как некий идеал, но как сложное образование, включающее: а) конституционные идеи; б) нормативно-правовой фундамент; в) действующий политический (государственный) режим, г) систему защиты конституционного строя и конституции [Авакьян, 2015: 383–384].

С учетом обозначенной теоретической основы появляется возможность *междисциплинарного анализа социально-правовой реальности*, обсуждения возможностей конституционной социологии, до сих пор остающейся неизвестной и не оцененной в нашей стране в качестве самостоятельного научного направления.

Исходную посылку конституционной социологии как многообещающего направления междисциплинарных исследований за рубежом составляет признание того, что конституционная политика фундаментально отличается от текущей законодательной политики. О роли законодательства и грехах законодателей уже доводилось писать автору [Першуткин, 2014], поэтому коснемся трудов преподавателей школы права Чикагского и Кембриджского университетов Ж. Блантома, З. Элкинса, Т. Гинсбурга, подчеркивающих, что в конституциях доминируют публичные интересы над частными, общие над специальными. Конституции, согласно их междисциплинарным оценкам – это продукт конкурирующих между собой групповых интересов, отстаивающих экономические цели, этнические требования, политическую идеологию [Blount, Elkins, Ginsburg, 2013].

Все более глубокое осознание задач и возможностей конституционной социологии постепенно привело к разработке адекватного и уточненного понятийного аппарата этой науки. Задачей конституционной социологии стала интеграция исторического и эмпирического анализа конституционных явлений с нормативной точкой зрения [Thornhill, 2011: 12]. На этой теоретической и эмпирической основе все

чаще стали использоваться социологические методы для анализа исторических моделей конституций, для историко-социологического анализа с целью обоснования социальных функций конституции и процессов её легитимации в обществе [Kjaer 2014; Madsen, Thornhill 2014].

Тем самым К. Торнхиллу удалось обосновать и закрепить научный статус конституционной социологии как субдисциплины, как раздела теоретической социологии. Во многом эта задача была решена благодаря опоре на наработки Никласа Лумана – крупнейшего немецкого ученого концептуализировавшего «дисциплинарное лицо» этой системы знаний как соединения (сцепления) закона и власти [Luhmann, 1984].

Таким образом, конституционная социология стала восприниматься с помощью важных обобщений. Прежде всего, как «конституционная структура общества и легитимность политических институтов, с трудом раскрывающихся посредством нормативного анализа» [Thornhill, 2011: 8].

К аналогичным выводам пришел и немецкий ученый Д. Тэйбнер, доказавший после серии междисциплинарных исследований, что *«конституции слишком важны, чтобы оставлять юристов-конституционалистов и политических философов наедине с этой тематикой»* [Teubner, 2012: 3].

Вследствие серьезных теоретических усилий было доказана и закреплена роль конституционализма на базе общей теории общества, «способной описывать основные структуры транснационального пространства, а также переплетающиеся взаимосвязи между различными слоями мирового социума²¹³. При таком подходе социология оказалась единственной дисциплиной, анализирующей и презентующей структуру общества в целом, что и было отмечено рядом авторов: профессором П. Брендвейном (США) [Brandwein, 1999], профессором Б. Франсуа (Франция) [François, 1996], профессором Г. Сакристом (Португалия) [Sacriste, 2011] и др.

Таковы важнейшие особенности теоретического фундамента конституционной социологии, на базе которого уже разворачиваются эмпирические исследования (конституционно-социологические).

В условиях растущей глобализации и связанной с этим проблемы социальной интеграции (в частности, социальных, этнических меньшинств и изолированных групп) появились новые аспекты восприятия конституции [Культура конституций в Коста-Рике: национальный опрос общественного мнения об отношении к Конституции, перспективах и ценностях, 2011], свидетельствуя о распространении в самых разных странах конституционно-социологических подходов и исследований.

²¹³ Данный подход показался недостаточно обоснованным Райнеру Валью выступившему с защитой традиционных конституционных понятий и смыслов, обвиняя в эксплуатации «благородной ауры» этого фундаментального термина тех, кто расширенно подходит к «праву на международной арене и к универсализации общественного права». За этими попытками Райнер Валь видит политическое выхолащивание конституций и конституционализма. // [The twilight... 2010].

Новизна их в том, что объектом внимания оказываются политики и юристы, их взгляды и специфические интересы.

В общем и целом, просматривается высокая степень *инструментальной значимости* конституционной социологии. На этой основе появляются основания суммировать: социологическая концепция конституций в качестве проекции социологии в конституционное поле обрела значительное число сторонников в европейских, а также, в северо- и латиноамериканских странах. Можно считать доказанным (благодаря К. Торнхиллу и др.), что социология конституции способна быть **инструментом** решения самых разных задач (исследовательских и практических) как перспективная научная дисциплина, постепенно превращающаяся в самостоятельный раздел социологии [Thornhill, 2010].

Начиная с 80-х годов прошлого века применение социологических методов в сфере конституционного развития стало своеобразной интервенцией, плодотворной как для правоведения, так и для социологической науки. Социологическая концепция конституции в качестве проекции социологии в конституционное поле обрела значительное число сторонников [Андреева, 2013].

Выделяя в обобщенном виде особенности этой системы знания и её применения отметим:

- широкий подход к анализу конституционных процессов в Европе и Америке с опорой на архивные данные и исторические публикации;
- расширение и обогащение понятийного аппарата конституционного права и социологии конституций (конституционной социологии);
- доказательство значимости конституционной социологии в качестве составной части социологии права и вместе с тем специализированной области политико-социологических исследований;
- интегрирующая роль конституционной социологии, описывающей широкий круг явлений и процессов (включая социологическое происхождение конституций, конституцию как соединение или сцепление закона и власти, как инструмент их легитимизации и интеграции общества).
- определение задач конституционной социологии «по интеграции исторического и эмпирического анализа конституционных явлений с нормативной точкой зрения».

Вместе с тем, переоценивать зарубежный опыт нет оснований поскольку просматривается его специфичность и отражение соответствующих целей и задач (из-за повышенного внимания к наднациональному и общественному праву, правовому обеспечению глобализации).

Возможная российская исследовательская программы «Конституционная социология»

О возможностях отечественного проекта «Конституционная социология» свидетельствует следующее:

– наличие научных наработок, раскрывающих углубленное понимание сути конституции, внимание юридической и политической наук к дополнениям и поправкам, что обладает серьезной значимостью наряду с конкретными правовыми инициативами;

– обновленная (по сути, социологическая трактовка) специфики и сущности современной конституции как «нормативно-правового выражения жизненных интересов различных социальных сил, их компромисса или консенсуса, общечеловеческих ценностей, признаваемых обществом» [Хабриева, Чиркин, 2005:48– 50], представленное на высшем правовом уровне;

– теоретический и эмпирический задел, созданный благодаря развитию в нашей стране социологии права (юридической социологии) [Марченко, 2015; Першуткин, 2003; Сырых, 2012] и др.

– общественная инициатива по разработке проекта целостной и завершенной Конституции России междисциплинарной группой исследователей под руководством доктора физико-математических и политических наук С. С. Сулакшина [Конституция России (проект), 2013].

– эмпирические исследования и публикации по конституционному мониторингу, восприятие его как своеобразной общественной иммунной системы – выявляющей, оценивающей и восстанавливающей нарушения конституционного равновесия для обеспечения устойчивого проявления конституционализма в обществе» [Арутюнян, 2016]. Здесь нужно бы коснуться непосредственного опыта реализации конституционного мониторинга, опираясь на проект на базе АНО «Институт права и публичной политики» [Конституционный мониторинг: Концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года, 2014].

Задачи и «общий замысел исследования «Двадцать лет демократического пути укрепления конституционного порядка в современной России») определялся поиском ответов о причинах трудностей в России при реализации конституционных принципов; о перспективах и целях будущих преобразований, а также «технологиях и инструментах их осуществления». Объектом исследования авторы-разработчики определили «фундаментальные конституционные принципы», а предметом – степень их реализации на практике [Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: Аналитический доклад, 2014: 8].

Несмотря на многообещающий замысел и ряд интересных результатов наглядно выявились и уязвимые места, снизившие общий эффект конституционного мониторинга, согласимся с критическими оценками Ю. В. Соболевской [Соболевская

2019]. Поскольку подобные исследования пока единичны, то требуется обстоятельный разбор успехов – недостатков – резервов.

Какие недоработки обращают, прежде всего, внимание в выполненном конституционном мониторинге:

– постулирование, а не аргументация разработчиками совокупности исходных посылок (выбор одних конституционных принципов и игнорирование других, включая принцип социального государства), что придало исследованию характер лоббистского, а не научного;

– неоправданно сильная формализация инструментария, все 52 вопроса которой (а с учетом подвопросов – 154) являются закрытыми, обладают монотонным и наводящим характером, начинаясь во всех случаях со слов «в какой мере» или «в какой степени» (соблюдается/нарушается тот или иной конституционный принцип);

– нерепрезентативность выборки экспертов, в том числе из-за включения в нее только представителей юридической науки и юридических профессий, хотя политико-правовой характер Конституции и междисциплинарность конституционных исследований требуют привлечения в состав экспертов социологов, политологов, экономистов;

– некорректность примененных статистических показателей (рассчитанные индексы отклонения от конституционных практик не учитывали положительных оценок экспертов), что привело к искажению результатов опроса;

– ограничение работы с экспертами лишь опросами без приглашения их к участию в «круглых столах» (фокус-группах), целью которых заявлялась «углубленная интерпретация и выяснение репрезентативности полученных данных» [Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: Аналитический доклад, 2014: 5];

– необоснованное добавление еще одной категории участников конституционного мониторинга – аналитиков, привлеченных для «критического анализа полученных данных» [Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: Аналитический доклад, 2014: 8], при неиспользовании потенциала экспертов;

– оперирование только «голыми» цифрами отклонений от конституционных принципов и отсутствие возможностей качественного анализа данных и их научной интерпретации;

– деформированная методика исследования (что в итоге привело к субъективизму оценок аналитиков и организаторов исследования, вплоть до переоценки мнений экспертов).

При таких дефектах в подготовке, проведении и интерпретации итогов конституционного мониторинга трудно говорить о достоверности результатов исследования и обоснованности итоговых предложений историками, философами,

психологами, математиками. Вместе с тем, попытка конституционно-правового исследования крайне интересна.

Обобщения и предложения

Информационно-вирусная атака, превратившаяся в пандемию – инфодемию в 2020 г., – крупнейшее общественно-политическое событие, сопоставимое по масштабу и воздействию с войной и с боевыми действиями.

Благодаря публикации в солидных изданиях уже озвучены события, предшествовавшие информационно-вирусной атаке на разные страны: специальные учения «События-2001», проведенные в октябре 2019 г. в США, юридические скандалы и судебные процессы в ряде стран мира в отношении фармацевтических компаний, навязывающих свои препараты и манипулирующих общественным мнением.

С научной (политико-социологической) точки зрения объектом информационно-вирусных атак просматриваются: во-первых, национальные государства; во-вторых, индивиды (конкретные возрастные и этнические группы). Политико-социологическая значимость инфодемии в том, что в 2020 г. вышли на поверхность латентные процессы, копившиеся в предшествующий период:

- начавшееся разрушение социума под лозунгом цифровизации;
- юридические и информационно-психологические атаки на правовое и социальное государство в разных странах;
- настойчивые попытки легитимизации виртуальности как совокупности масштабных программ транснациональных компаний, глобальных бизнес-проектов инфократии и медиакратии.

В сложившихся политических и конституционно-правовых условиях видится необходимым мониторинг стабилизирующей роли права (в качестве «холодного душа» для радикалов всех мастей, «цифровых экстремистов»), наращивание исследовательских усилий и укрепление конституционно-правового фундамента реального государства [Баранов, Бордачев, Лисоволик, Лукьянов, Сушенцов, Тимофеев, 2020], а не виртуально-цифрового, очного образования, а не заочного дистанционного.

Библиографический список

- Авакьян С. А.* Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
- Андреева Г. Н.* Социологическое измерение науки конституционного права / Современная социология права: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. М., 2013. С. 118–119.
- Арутюнян Г. Г.* Конституционный мониторинг / Арутюнян Г. Г. – Ер., «Нжар» 2016. 294 с.

Баранов О., Бордачев Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Не одичать в «осыпающемся мире». Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. 24 с.

Горбачев С. Б. О роли правового государства как социального регулятора // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10 (77). С. 92–94.

Дейнека О. С., Мельник Г. С., Духанина Л. Н., Максименко А. А. Психологическое состояние общества в условиях инфодемии // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 194–197.

Денисов Б. А., Богачева Г. Н. Государство как экономический интегратор // В сборнике: Государственное регулирование экономики: политико-экономические аспекты Сборник научных трудов 1-й Международной научно-практической конференции. 2014. С. 5–6.

Ефремов А. А., Добролюбова Е. И., Талапина Э. В., Южаков В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. Москва: Дело, 2020. 124 с.

Завьялова Е. Б., Крыканов Д. Д., Патрунина К. А. Механизм регуляторных «песочниц» для внедрения цифровых инноваций: опыт внедрения экспериментальных правовых режимов на национальном и наднациональном уровне // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 4 (53). С. 130–138.

Конкуренция в цифровую эпоху. Стратегические вызовы для Российской Федерации. World bank group. Washington. 2018. 176 с.

Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: Аналитический доклад / Отв. ред. А. Н. Медушевский. М.: Институт права и публичной политики, 2014.

Конституционный мониторинг: Концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года / Под ред. А. Н. Медушевского. – М.: Институт права и публичной политики, 2014. 184 с.

Конституция России (проект) / Под общ. Ред. С. С. Сулакшина. – М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.

Культура конституций в Коста-Рике: национальный опрос общественного мнения об отношении к Конституции, перспективах и ценностях // Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности: Сборник научных трудов, Москва, 2011. – С. 124–128.

Перишуткин С. Н. Грехи законодателей [Электронный ресурс] // Советник Президента. Информационно-аналитическое издание. 2014. № 132 [веб-сайт]: URL: http://sovetnikprezidenta.ru/132/1_gosudarstvo.html (дата обращения: 10.06.2020).

Перишуткин С. Н. Юридическая социология, Новосибирск, СибАГС, 2003 – 163 с.

Постправда [Электронный ресурс] // Википедия: [веб-сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Постправда> (дата обращения: 10.06.2020).

Соболевская Ю. В. Конституционный мониторинг: практика проведения и перспективы // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий: сборник докладов. М.: РГ-Пресс, 2019. 288 с.

Социология пандемии. Проект CoronaФОМ [Электронный ресурс] // Фонд общественного мнения: [веб-сайт]. URL: <https://covid19.fom.ru> (дата обращения: 31.05.2020).

Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Проспект, 2015. 710 с.

Список поправок [Электронный ресурс] //Общероссийское голосование 1 июля 2020 года: URL: [веб-сайт]. URL: <https://конституция2020.рф/amendments>. (дата обращения: 10.06.2020).

Сырых В. М. Социология права: Учебник. 4-е изд. М.: Юстициформ. 2012. 472 с.

Тавокин Е. П. Искусственность «искусственной социальности» // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 6. С. 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005487–8.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.

Цифровое правительство 2020. Перспективы для России. World bank group. Washington. 2016. 84 с.

Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1075–1082.

Blake William D., Levinson Sanford V. The Limits of Veneration: Public Support for a New Constitutional Convention // Constitutional Studies. Volume 1, Issue 2, 2016. 4. pp. 1- 22.

Blount J., Elkins Z., Ginsburg T. Does the process of constitution-marking matter? // Comparative constitutional design / Ed. By Ginsburg T. – Cambridge ets.: Cambridge univ. press, 2013. – P. 31–65.

Brandwein P. Constitutional Doctrine as paring tool: The struggle for relevant evidence in University of Alabama v. Garrett // Michigan Journal of Law Reform. – Michigan, 2002. № 35: P. 37–80.

Corsi G., Febbrajo A. Sociology of Constitutions: A Paradoxical Perspective (Studies in the Sociology of Law) London; New York: Routledge. 2016. – 298 p., Persily N., Citrin J., Egan P. Public Opinion and Constitutional Controversy. Oxford University press. 2008. – 376 p.

Kjaer Poul F. Constitutionalism in the Global Realm. A Sociological Approach. – Routledge. 2014. – 186 p.

Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. – Frankfurt – a – M., 1984.

Madsen Rask Mikael, Thornhill Chris Law and the Formation of Modern Europe: Perspectives from the Historical Sociology of Law. – Cambridge. 2014. – 378 p.

Persily N., Citrin J., Egan P. Public Opinion and Constitutional Controversy. Oxford University press. 2008. – 376 p.

Rezaev A V., Tregubova N. D. (2018) Are sociologists ready for «artificial sociality»? Current issues and future prospects for studying artificial intelligence in the social sciences. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. № 5. P. 91–108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.10>.

Teubner Gunther Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization. – Oxford. 2012. – 275 p.

The twilight of constitutionalism? / Ed. By P. Debora a M. Loughlin. – Oxford univ. press., 2010. – XVI. – 352 p.

Thornhill Chris A Sociology of Constitutions: Constitutions and State Legitimacy in Historical-Sociological Perspective. – Cambridge. 2011. – 451 p.

Thornhill Chris Niklas Luhmann and the sociology of the constitution. *Journal of Classical Sociology*, 2010, 10 (4), P. 315–337.

Джунь В. В. Соціологія конституційного права: монографія. Київ: Ін юре, 2015 В 2 т. 976 с.

François B. Naissance d'une constitution. La Cinquième République (1958–1962), Presses Sce Po, 1996.

Sacriste G. La république des constitutionnalistes: Les professeurs de droit et légitimation de l'État en France (1870–1914) / Guillaume Sacriste. – [Paris]: SciencesPo. 2011. 578 с.